

богатырей, и в этом круге понятий он вращается, пытаюсь изобразить времена эпического князя Владимира¹.

Установив, таким образом, что „Сказание“ памятник, вышедший из московской служилой среды (иначе как же понимать все приведенные примеры и рассуждения), В. Миллер говорит о времени и процессе сложения. „Таков мог быть, на наш взгляд, процесс литературной работы, — говорит он, — сделанной в XVI в. каким-нибудь грамотеем и названной им «Сказанием» (разрядка наша) по образцу подобных сказаний старого времени. Отличие его от других авторов подобных сказаний в том, что он жил, повидимому, в местах, где эпическая традиция процветала, и был сам хорошо знаком с былинным складом и ладом“². Заключение В. Миллера таково: „Сказание, на наш взгляд, представляется наивным народным отголоском на те политические идеи, которые распространялись при московском дворе и духовенством, и более просвещенными людьми XVI в., московскими государственниками“³.

Все исследователи (В. Ф. Миллер, М. Г. Халанский, А. В. Позднеев), считающие „Сказание“ „книжным“ произведением, приписывают ему сложную иноказательную систему изображения московских событий и отношений XVI в., что противоречит той характеристике, которую они дают „грамотею“, составившему „Сказание“. В. Ф. Миллер пишет о „простодушности“, „наивности“ слагателя, об отсутствии у него „критического отношения к былинам“ и т. д. Но почему „наивный“, „простодушный“ „грамотей“, „не задававшийся вопросом о том, как согласить свое сказание с историей, с теми немногими фактами, которые и ему, при всем его неведении, не могли быть неизвестны“, выбирает такой сложный и трудный способ — иноказательно, пользуясь известными образами (а для человека XVI в. богатыри „Сказания“ были достаточно „живыми“, так как, например, сведения об Алеше Поповиче вносятся в летопись именно в XVI в.), рассказывать о современных ему событиях? И это в то время, когда эпическая традиция очень жива, сильна. Проще было сложить новую песню, былинку, что и делали „наивные“ представители народа, широко отразившие эпоху Грозного в своих произведениях (Взятие Казани, Матрюк, Ермак и т. д.). Останемся на том, что дает язык „Сказания“ в различных своих проявлениях для решения вопроса: 1) в какой мере можно локализовать текст — московский это памятник или какой-либо другой, турчасовский, например, как предполагает Барсов; 2) считать ли „Сказание“ записью, хотя бы подправленной, устного произведения или считать произведением книжным, возникшим на основе былин.

Большую роль для локализации играет орфография текста, потому что в ней может отражаться говор того, кто делал запись, и того, кто ее копировал.

„Сказание“ представляет собой копию, как и другие два произведения, входящие в первую тетрадь сборника Барс. 1463, а не запись. На это указывает особый характер ошибочных написаний, например: „а терки на м и х камки венецкие“ л. 103 об.—104, „а Никиты палица вся вязолотая“, л. 104, „во царьгогород“ л. 104 об., „бояр аря“ (вм. богатыря) л. 120 об. и т. п.

Что касается диалектных особенностей, которые нашли отражение в тексте, приходится чрезвычайно осторожно подходить к ним, так как

¹ Там же, стр. 136—137.

² Там же, стр. 143.

³ Там же, стр. 145.